

Е. М. ПИНУС

ГОГОЛЬ И РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЯПОНИИ

Проблема всемирно-исторического значения великой русской литературы, ее роли в становлении и развитии прогрессивной литературы в западноевропейских странах и в странах народной демократии постоянно привлекает внимание советских исследователей. Сравнительно мало изучен вопрос о роли русской классической и советской литературы в развитии литературы стран зарубежного Востока. Между тем, знакомство с произведениями нашей классической литературы и с трудами великих русских критиков-демократов сыграло большую роль и в развитии литературы восточных стран.

Исключительное значение имело знакомство с русской классической литературой в конце XIX — начале XX в. для формирования мировоззрения и творчества передовых писателей Японии.

Впервые произведения русской литературы были переведены на японский язык в 80-х годах XIX в.: в 1883 г. («Капитанская дочка») и в 1887 г. (часть «Войны и мира»), но эти переводы были настолько далеки от подлинника, что не могли дать японскому читателю правильного представления об этих произведениях, хотя и свидетельствовали об интересе прогрессивных кругов Японии к России и русской литературе.

Первыми переводами из русской литературы, которые показали японским читателям подлинное лицо великих русских писателей, были переводы рассказов Тургенева «Свидание» и «Три встречи», появившиеся в японских журналах в 1888 г., а затем переводы других рассказов и романов Тургенева, «Преступления и наказания» Достоевского, части «Севастопольских рассказов» Л. Толстого, рассказа В. Гаршина «Четыре дня» и рассказов М. Горького «Тоска» и «Ошибка», вышедшие в период до 1896 г. Переводчиком этих произведений был писатель Хасэгава Фтабатэй, изучавший русский язык и переводивший непосредственно с русского.

В 1897 г. в японском журнале Тайё («Солнце») вышел его перевод повести Гоголя «Портрет». Девять лет спустя,

в 1906 г., другой журнал поместил новый перевод Хасэгава. «Старосветские помещики» Гоголя. В 1907 г., в том же переводе, выходят «Записки сумасшедшего».

Есть также сведения о том, что Гоголя переводил в 90-х годах и другой японский писатель Токутоми Рока, не знавший русского языка и переводивший, видимо, с английского или немецкого. Прогрессивный японский писатель Токутоми Рока высоко ценил русскую литературу, занимался ею, особенно изучал творчество Л. Толстого, и в 1890—92 гг. выпустил в свет две работы о Толстом, одна из которых была подробной биографией Толстого.

В 1895 г. в японской газете Кокумин-симбун («Народная газета») печатается «Тарас Бульба» Гоголя в переводе Токутоми под названием «Старый воин».

80—90-е годы прошлого столетия для Японии — период значительного обострения общественной борьбы, вызванного быстрым развитием японского капитализма. В эти годы японский капитализм приобретает резко агрессивный характер, особенно в связи с грабительской войной, начатой Японией в Китае и открывшей дорогу развитию японского империализма.

В эти годы передовые японские писатели в борьбе с представителями реакционного романтизма закладывают основы реалистического направления в литературе, и не случайно именно в этот период демократическая японская общественность, передовая японская интеллигенция стремятся ближе познакомиться с русской культурой, с передовой, идейной русской литературой. Один за другим выходят переводы произведений великих русских писателей, переводятся отдельные работы Белинского, Добролюбова, прогрессивные японские журналы помещают исследования о русской литературе.¹

Эти переводы и исследования, знакомившие японских читателей с великой русской культурой, сыграли большую роль в развитии реалистического направления в японской литературе и оказали исключительное влияние на формирование творчества и мировоззрения всех без исключения японских писателей-реалистов, выступивших в 90—900-х годах со своими наиболее значительными произведениями. Русская литература помогла передовым японским писателям поставить на центральное место в своем творчестве политические и соци-

¹ Подробнее о переводах русских писателей в Японии см. Р. Г. Карлина. Роман Фтабатэя «Плывущее облако» и романы Гончарова и Тургенева. Автореферат диссертации, Лен. Гос. университет, Л., 1950. Е. М. Пинус. М. Горький и японская литература. Вестник ЛГУ, 1951, № 8. Русский язык в Японии. «Литературный Вестник», 1901, кн. 3.

альные вопросы, побудила их более остро критиковать существующие социальные порядки.¹

Видное место среди этих переводов заняли переводы произведений великого русского писателя Н. В. Гоголя.

Первые переводы произведений Гоголя на японский язык были еще весьма несовершенными, с точки зрения их точности. Переводчик Хасэгава Фтабатэй очень вольно обращался с авторским текстом, многое сокращал и выпускал и, с другой стороны, многое добавлял от себя, как бы комментируя автора. В отдельных местах перевода непонимание русских слов приводит к курьезам. Так, например, в «Портрете», «торговку-охтенку» переводчик представляет себе женщиной с «вечно плаксивым лицом», видимо, производя слово «охтенка» от глагола «охать», а в «Записках сумасшедшего» в словах Поприщина о казначее: «Проси, хоть тресни, хоть будь в разнужде — не выдаст, седой чорт» (АН, III, 193) — переводчик понимает выражение «хоть тресни» в смысле «дать затрещину» и переводит: «хоть проси, хоть затрещин ему надавай. . .»

В ряде мест, пропуская отдельные слова, несущие в гоголевском тексте большую смысловую нагрузку, переводчик искажает авторскую мысль. Так, в тех же «Записках сумасшедшего» в словах Поприщина: «Там же читал очень приятное изображение бала, описанное курским помещиком. Курские помещики хорошо пишут» (АН, III, 196) — Хасэгава во втором случае опускает слово «курские» и переводит: «Уж если помещик возьмется за перо, — прекрасно получается». В таком переводе ироническое звучание гоголевских слов, несомненно, пропадало для японского читателя. Таких примеров можно было бы привести много.

Не везде переводчик сумел передать также индивидуальный характер речи гоголевских персонажей.

Но так велика сила и эмоциональность гоголевских произведений, что переводчик не мог не почувствовать ее, и в целом переводы Гоголя сделаны живым и эмоциональным языком. Стремясь приблизить язык своего перевода к гибкому и богатому языку Гоголя, он смело нарушал традиционную конструкцию японского предложения, в большом количестве вводил в язык письменной литературы, далекий в то время от разговорной речи, элементы живого разговорного языка, что было большим новаторством для того времени.

Уже эти первые переводы гоголевских произведений дали возможность демократическому японскому читателю узнать и полюбить великого русского писателя. Изображение гибели

¹ Об этом говорит проф. Н. И. Конрад в статье «Чехов в Японии» (Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка, вып. 5, 1944, стр. 209—214).

таланта, гибели всякого искусства при соприкосновении со страшной властью денег, развращающей человеческую душу («Портрет»), изображение мучительных переживаний угнетенного маленького человека, сознающего, что «все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам» («Записки сумасшедшего» (АН, III, 205)), сделанные бессмертным пером великого художника, остро воспринимались и японскими читателями.

В 1903 г. в Японии выходит книга, посвященная Гоголю, «Гоголь» — исследование жизни и творчества, с главами: «Гоголь и критика», «Пушкин, Лермонтов и Гоголь», «Гоголь — поэт действительной жизни», «Влияние Гоголя на последующую литературу» и другими. Ее автор — исследователь и переводчик русской литературы Нобори Сёму в введении пишет: «Гоголь перенес русскую литературу из мира „идеалов“ в мир действительной человеческой жизни». Художественную силу Гоголя он характеризует как необычайную, чудесную силу, и, вслед за Белинским, называет Гоголя отцом русских повестей и романов, выразителем народного характера, упрочившим в России истинно народную литературу.

В 1907 г. в журнале Тэйкоку Гахо («Известия искусства») выходят «Записки сумасшедшего».

В предисловии к переводам из произведений Гоголя, вышедшим в 1912 г., в собрании сочинений Хасэгава Фтабатэй, теоретик и писатель буржуазной японской литературы Цубоути Сёе характеризует Гоголя как «великий талант» и как писателя, «которого можно назвать отцом современной русской литературы».

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное революционизирующее воздействие на все прогрессивные элементы в Японии. В 1920-х годах интерес к русской литературе резко возрастает. В эти годы все произведения Гоголя, как и произведения других русских классиков, переведены на японский язык и неоднократно издаются в Японии. Японские критики и исследователи русской литературы также продолжают уделять серьезное внимание проблемам русской классической литературы, и в частности творчеству Гоголя. В периодической печати и отдельными изданиями выходят исследования о Гоголе и других великих русских писателях. В 1928 г. выходит сборник произведений трех русских писателей: Гоголя, Чехова и М. Горького. В нем содержатся: «На дне» и «Челкаш» Горького, «Душечка» и другие рассказы Чехова, и из гоголевских произведений «Тарас Бульба» и «Нос».

В предисловии, посвященном Гоголю, переводчик пишет: «Гоголевский реализм составил эпоху в русской литературе».

Можно сказать, что, в известном смысле, — это самая могучая линия, насквозь пронизавшая русское искусство. Во всяком случае, — одна из самых могучих».

«Гоголевский реализм, — говорит он далее, — в самом корне своем содержит стремление сделать людей лучше, сделать их выше. Правительство Николая I считало произведения Гоголя последних лет самыми опасными произведениями литературы. Это видно хотя бы из того, что Тургенев был арестован за то лишь, что опубликовал после смерти Гоголя коротенький некролог о нем».

«Творчество Гоголя, — заключает переводчик, — это непрерывное горение души. «Невидимые миру слезы» его стали горячим источником, который вскипает из глубины его творений».

В своих заметках «Впечатления переводчика», вышедших в том же году, переводчик вспоминает о своих переживаниях во время работы над переводом «Тараса Бульбы». «...Я не прекращал работы буквально ни на одну минуту, — говорит он, — кроме четырех или даже трех часов сна и десяти минут, которые я употреблял на еду. Но эта вещь настолько интересна, что несмотря на усиленную работу, и на то, что мои пальцы, державшие кисть, распухли, я не ощущал ни усталости, ни боли. Да что там, боль и усталость! Полностью перенесясь в эту жизнь прошлых веков, встающую из-под его могучего пера, я был словно во сне. Я ощущал аромат этой украинской земли! Я видел это звездное небо! Я любовался казаками, преодолевающими кручи! Между моими глазами, скользящими по строчкам произведения, и рукой,двигающей кистью, установилась необычайная, счастливая связь. Иначе говоря, я переводил, поистине, творчески!»

О любви Гоголя к его родной стране, к России, говорится в другой статье того же года, посвященной Гоголю. «Западно-европейская культура гоголевской эпохи, — говорит автор, — была блестящей. Это Гете и Шиллер, Гейне, Гюго и Ламартин, Жорж Занд, Бальзак и Байрон. Однако, Гоголь, подолгу находясь в Западной Европе, всегда стремился к своей родине. Что касается жизни русского народа, его характера, — он изучил их, буквально, до самых глубин, уловил их подлинный облик. Но всем своим существом, всем сердцем своим любя Россию, он, в то же время, смело обличал противоречия существующего строя».

И далее: «После „Тараса Бульбы“, Гоголь обращается к петербургской жизни и направляет свое внимание на жизнь современного ему общества. Так было создано произведение „Нос“, герой которого Ковалев представляет собою тип человека самоудовлетворенного, тщеславного, ограниченного. Этог

тип воспринимается как воплощение пороков современного Гоголю общества».

В книге по истории русской литературы, вышедшей в Японии в 1927 г., автор ее устанавливает связь Гоголя с русской литературой, в частности с творчеством Пушкина и Кольцова. Гоголь и Кольцов, говорит он, ввели в русскую литературу широкие массы простого народа. «Гоголь обнажил перед глазами всего народа темные стороны русской действительности. Люди увидели в нем громадный и самобытный талант, окончательно утвердивший в русской литературе реалистическое направление, основы которого были заложены Пушкиным».

1930-е годы — это, как известно, годы фашизации Японии. В эти годы в Японии проводится губительный для нее курс реакции, который привел ее к участию в подготовке и развязывании второй мировой войны. Весь этот период, вплоть до разгрома империалистической Японии во второй мировой войне, характерен жестокими репрессиями со стороны японского правительства, направленными против освободительного движения народа, против революционной борьбы японского пролетариата. Острая борьба ведется и в области идеологии и культуры. Произведения русских писателей рассматриваются фашистской реакцией как опасные произведения, они или вовсе запрещаются или выходят в свет, до неузнаваемости изуродованные цензурой. В изданиях произведений русских писателей в эти годы, в частности, в 1935—37 гг., можно встретить страницы, где буквально каждое третье слово заменено пресловутыми крестиками, которые, по правилам японской цензуры, ставятся взамен вычеркнутых иероглифов. Так поступила, например, японская фашистская цензура с величайшим произведением русской и мировой пролетарской литературы — романом М. Горького «Мать», в издании 1935 г.

Но, несмотря на это, прогрессивные культурные деятели Японии не прекращали своей деятельности по переводу и изучению произведений великих русских классиков и советской литературы. Выходят и переводы гоголевских произведений. В 1932 г. выходит в переводе на японский язык гоголевский «Ревизор», а в 1934 г. — собрание сочинений Гоголя в 6 томах с иллюстрациями. Прогрессивное издательство Иванами Сётэн издает в 1938 г. «Мертвые души» с подробными филологическими комментариями к тексту и кратким очерком о творчестве Гоголя. Не случайно именно в этом издательстве выходит перевод бессмертного гоголевского произведения. В кратком обращении к читателям редакция пишет: «В настоящее время прогрессивные массы решительно требуют, чтобы знание и искусство были вырваны из-под монополистической власти правящего класса и возвращены народу. Наше

издательство возникло в ответ на это требование. Мы стремимся к тому, чтобы замечательные, бессмертные произведения литературы вышли из кабинетов небольшого числа людей на широкие улицы, к народным массам».

Редакция помещает сведения о переводах произведений русских писателей, осуществленных издательством. Это «Евгений Онегин», «Рудин» и «Дым», «Бедные люди», «Война и мир», «Живой труп» и «Воскресение» и многие другие произведения великих русских классиков. Из произведений Гоголя в этом издательстве вышли: «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Шинель», «Старосветские помещики», «Портрет» и «Записки сумасшедшего», «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Ревизор».

Творения Гоголя сыграли немалую роль и в развитии прогрессивного реалистического искусства Японии. В репертуаре реалистического японского театра, борющегося за развитие передового искусства против косных традиций и феодального духа японского театра Кабуки, наряду с «Вишневым садом» и «Чайкой» Чехова, «Мещанами» и «На дне» М. Горького, прочное место занял «Ревизор». Один из театров этого направления — токийский театр Цукидзи — ознаменовал 10-ю годовщину своего существования в 1933 г. постановкой гоголевского «Ревизора». «Ревизор» ставит и осакский театр (в 1945—46 г.) и коллективы молодых актеров.¹

Через три месяца после капитуляции Японии во второй мировой войне, в декабре 1945 г., прогрессивные писатели Японии создали Всеяпонский Союз демократических писателей, во главе которого встали крупнейшие демократические писатели и прогрессивные деятели Японии, такие как Фудзимори Сэйкити, Токунага, Сунао, Курахара Корэто. Союз ясно сформулировал свои задачи. Они заключаются в «создании и распространении демократической по своему характеру литературы, которая была бы тесно связана с борьбой трудящихся масс на фабриках, заводах, в деревне, и отражала ее». В резолюции 4-го съезда Союза демократических писателей Японии, проходившего в декабре 1948 г., говорится, что «наиболее насущной задачей литературы является участие в борьбе рабочего класса — авангарда революции, и крестьянства и активное содействие этой борьбе».

В условиях современной Японии деятельность Союза приобретает особое значение. Американские империалисты стремясь превратить Японию в свою колонию и военную базу, сделать ее своим младшим партнером в подготавливаемой ими

¹ О переводах Гоголя в Японии см. также Б. Поспелов. «Гоголь в Японии» Литературная газета, 1952, 4 марта.

третьей мировой войне, уделяют значительное внимание борьбе на идеологическом фронте. Всеми мерами подавляя демократическую прогрессивную культуру японского народа, они стремятся привить широким народным массам свою растленную империалистическую идеологию. Этой цели служит громадное количество американских фильмов, прославляющих «американский образ жизни», привозимых в Японию, бульварная американская литература, распространяемая в Японии в виде дешевого «чтива». «Всей нашей жизнью, промышленностью, сельским хозяйством, торговлей и культурной жизнью управляют теперь американские оккупационные власти», — говорится в новой Программе коммунистической партии Японии.

В противовес этой политике американских оккупантов, в противовес тенденции буржуазной японской литературы стать проводником разлагающего американского влияния, отказавшись от своей национальной самостоятельности, прогрессивные писатели Японии борются за подлинно народную, национальную культуру.

В этой борьбе образцом и примером для прогрессивных японских писателей является великая русская классическая и советская литература.

Обращаясь к нашим писателям по поводу 150-летия со дня рождения великого Пушкина, члены Союза демократических писателей Японии писали: «Мы счастливы, что в связи с пушкинским праздником нам представился случай сообщить Вам и о нашем громадном интересе к русской классической и советской литературе, и о деятельности нашего Союза, стремящегося создать истинно национальную японскую литературу».¹

Одновременно с созданием Союза демократических писателей Японии, при Обществе изучающих Советский Союз, была создана Секция изучения русской литературы, начавшая активную борьбу за глубокое и всестороннее изучение русской культуры, за распространение среди широких народных масс Японии произведений великих русских классиков и советских писателей. В частности, силами Секции, при непосредственном участии членов Союза демократических писателей, издается специальная серия «Изучение русской литературы». В сборниках этой серии помещаются новые переводы произведений русской литературы, переводы исследований советских литературоведов, материалы нашей прессы по вопросам литературы, статьи японских прогрессивных исследователей русской литературы. К юбилейным датам вышли сборники: «Горький».

¹ «Правда», 1951, 12 июня.

«Белинский», «Пушкин», «Горький и социалистический реализм» и др.

Деятельность Секции — не узко литературная деятельность. Это — одна из форм широкой общественной борьбы передовой японской интеллигенции за подлинное возрождение Японии, за свободную и демократическую Японию. Об этом пишет редактор серии «Изучение русской литературы» Курахара Корэто в предисловии к одному из сборников.

«Нам следует многому учиться у русской литературы, — говорит он, — и более углубленное, более всестороннее чем до сих пор изучение и знакомство с русской литературой принесет большую пользу делу возрождения литературы, культуры, всей жизни нынешней Японии».

И сам Курахара Корэто занимается углубленным изучением проблем русской литературы, в частности изучением творчества Белинского. В статье «Чему мы должны учиться у Белинского», помещенной в сборнике серии 1948 г., Курахара справедливо указывает на всемирное значение творчества Белинского. «Интересуются и восхищаются им не только в Советском Союзе, — говорит он. Интерес к нему и восхищение им перешагнули границы Советского Союза и широко распространились по всему миру. И в Японии также постоянно переводятся и изучаются его работы».

«Жизнь Белинского, — говорит далее Курахара, — была посвящена поискам теории общественного развития, которая была бы неразрывно связана с практикой, с освободительным движением русского народа». И, останавливаясь на проблеме национального характера литературы, в связи с ее общественным значением, Курахара обращается к творчеству Гоголя, как образцу прогрессивной, истинно народной литературы, обладающей ярко выраженной национальной формой. Цитируя известное место из «Взгляда на русскую литературу 1847 г.» Белинского, где Белинский объясняет, в чем состоит истинно национальный характер произведений Гоголя, Курахара приходит к выводу, что «литература должна иметь национальный характер, а для этого она должна стоять на позициях народных масс, стремиться улучшить их жизнь».

Так, изучение взглядов великого русского демократа Белинского и творчества великого русского писателя Гоголя помогают передовым деятелям японской культуры строить новую культуру, создавать демократическую национальную литературу.

Деятельность прогрессивной японской интеллигенции, посвятившей себя изучению и распространению русской литературы в Японии, нелегка. И тем не менее, Секция русской литературы активно работает: борясь со всеми трудностями,

преодолевая рогатки японо-американской цензуры, переводит и распространяет произведения русской классической и советской литературы, углубляет свое изучение русской литературы, расширяет круг исследуемых вопросов, систематически следит за новыми достижениями советской литературоведческой науки.

Только за 1949 г. в переводе на японский язык вышли следующие произведения русской классической литературы: «Анна Каренина», «Утро помещика» и «Крейцера соната», тургеневские «Свидание» и «Первая любовь», собрание сочинений Пушкина и отдельно «Метель», «Русские женщины» Некрасова, «Что делать» Чернышевского, из произведений Гоголя «Ревизор» (в двух различных переводах), «Авторская исповедь», «Портрет», «Старосветские помещики» и «Записки сумасшедшего».

В журнале «Новая повесть» появилась статья «Женские характеры у Гоголя».

В 1951 г. снова издаются переводы повестей Гоголя.

Изучение и распространение среди широких народных масс Японии произведений великой русской классической и советской литературы помогают культурным деятелям прогрессивной Японии добиваться расцвета национальной культуры, науки, искусства и успеха в борьбе за сохранение мира.